

родовъ оружія, тѣмъ болѣе, что австрійскія войска состояли почти изъ однихъ рекрутъ.

Раздробленіе кавалеріи у Пруссаковъ, въ періодъ, о которомъ мы говоримъ, зашло еще далѣе. Странно, они если не понимали, то, навѣрное, чувствовали превосходство тактики непріятельской пѣхоты и полагали возможнымъ уровновѣсить шансы сраженія кавалерією, распредѣляя ее всю по частямъ пѣхоты. Мало того: они вовсе перестали строить ее сомкнуто въ линіяхъ, располагая отдѣльными эскадронами между частями пѣхоты. Здѣсь проглядываетъ идея подкрѣпить слабыя стрѣлковыя линіи, которыя не могли устоять противъ массъ французскихъ застрѣльщиковъ. Результатомъ, однакожъ, было то, что слабая кавалерія непріятеля неоднократно разбивала наголову отдѣльно стоявшіе прусскіе эскадроны. Несчастная заальфельдская битва имѣла потому такой постыдный результатъ, что 8 эскадроновъ французскихъ гусаръ, въ двухъ плотно одна за другою слѣдовавшихъ линіяхъ (будучи только что отбиты Саксонскимъ пѣхотнымъ полкомъ), наголову разбили 10 отдѣльныхъ эскадроновъ прусскихъ и саксонскихъ гусаръ. Вредъ, наносимый этимъ раздробленіемъ кавалеріи, оказался наконецъ столь ощутительнымъ, что, въ ночь передъ ашерштеттскимъ сраженіемъ, 20 эскадроновъ были соединены вмѣстѣ и вѣрены подъ начальство генерала фонъ-Блюхера. Но подобный составъ, образуясь въ моментъ надобности, былъ слишкомъ слабъ и не могъ принести большой пользы.

Относительно артиллеріи надо только упомянуть, что способность ея къ маневрированію все болѣе и болѣе развивалась, особенно конной артиллеріи, которая возбуждала, въ этомъ отношеніи, соревнованіе пѣшей: такъ, на примѣръ, въ битвѣ при Кастигліонѣ, 5 августа 1796 г., четыре конныя батареи, соединенныя Наполеономъ въ центрѣ, рѣшительно содѣйствовали къ побѣдѣ. Развитію артиллеріи и употребленію ея въ полѣ много содѣйствовало тактическое и хозяйственное раздѣленіе ея на батареи и роспредѣленіе послѣднихъ по дивизіямъ. Французы подали въ этомъ примѣръ всѣмъ остальнымъ націямъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ искусство Наполеона направлять дѣйствіе соединенныхъ массъ артиллеріи на одинъ пунктъ. Въ этомъ отношеніи, весьма поучительны разборы сраженій аустерлицкаго, асперскаго, фридландскаго и бородинскаго. Соединеніе пѣшей артиллеріи съ дивизіями пѣхоты и конной съ

По просьбѣ автора статьи: «Чины Россійскаго Императорскаго флота», напечатанной въ № 2 «Военнаго Сборника», прилагаемъ при семъ поправку вкравшихся въ нее опечатокъ.

Въ чертѣ: между буквами X и Ч поставлена цифра 3. Слѣдуетъ, вмѣсто оной, быть буквѣ Ц, а цифра 5 должна быть ниже, между цифрами 4 и 6.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Читай.
514	12 сверху.	брють	бротъ
514	15 —	неподвижнымъ	неподъемнымъ
515	2 —	орлонъ	орлопъ
516	6 —	корветы	корабли
521	14 снизу.	болбрыгазовъ	молотобойцевъ

кавалерійскими дивизіями, а равно и формированіе резервной артиллеріи для рѣшительныхъ ударовъ суть результаты этого времени.

По недостатку времени, мы должны поспѣшить заключеніемъ нашего историческаго воззрѣнія; поэтому бросимъ еще разъ взглядъ на измѣненіе тактики со времени Наполеона, чтобы имѣть возможность правильно опредѣлить его вліяніе на современное состояніе науки. Мы уже видѣли, въ какой мѣрѣ развились оружія порознь; главнаго же вниманія заслуживаетъ тѣсное соединеніе всѣхъ трехъ оружій относительно организаци и тактики, принятое со временъ Наполеона почти во всѣхъ арміяхъ.

Появились самостоятельные отдѣлы смѣшаннаго оружія, представляя каждый небольшую армію заключающую въ себѣ самой возможно большую наступательную и оборонительную силы.

По мнѣнію фельд-маршала Клаузевица, можно принять: что сопротивление обыкновенной дивизіи, т. е. отъ 8 до 12 баталіоновъ и отъ 6 и 8 эскадроновъ, при достаточномъ числѣ артиллеріи, слѣдовательно отъ 8,000 до 10,000 человекъ, продолжается отъ 3 до 4 часовъ, противъ непріятеля значительно превосходнаго въ силахъ и на мѣстности не совсѣмъ выгодной; а если непріятель мало или вовсе не превосходитъ числомъ, то подобная дивизія можетъ смѣло проволочить бой полдня и болѣе.

Эта пропорція смѣшаннаго оружія даетъ, слѣдовательно, возможность производить бой дивизіями, нисколько не заставляя эти послѣднія, подобно тому, какъ въ линейной тактикѣ, находиться постоянно въ непосредственной совокупности.

Вслѣдствіе этой особенности новой тактики, она получила и новое названіе, именно: *тактики смѣшаннаго оружія*. Въ этой тактикѣ, колонны составляютъ постоянный основной строй всѣхъ трехъ оружій. Онѣ дѣйствуютъ сами въ бою и производятъ другія боевыя формы.

Колонны допускаютъ передвиженіе войскъ въ сомкнутыхъ, сжатыхъ массахъ, что чрезвычайно сокращаетъ время, потребное для введенія массъ въ дѣло; кромѣ того, войска во время

движенія находятся гораздо болѣе въ рукахъ начальника; наконецъ, колонны допускаютъ извлекать возможные выгоды изъ мѣстности, весьма облегчаютъ скрытое расположеніе, отступление и поступленіе, что, во многихъ случаяхъ, возможно только помощію колоннъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ выгодъ, колонны собственно въ бою служатъ:

а) Какъ резервъ, изъ котораго высылаются застрѣльщики и снова возвращаются;

б) Какъ масса, для нанесенія удара непріятелю или для принятія его удара;

в) Наконецъ, какъ средство приблизиться сомкнуто къ непріятелю и развернуться въ линію, если предполагается открыть батальный огонь пѣхоты или произвести ударъ холоднаго оружія кавалеріи и быстрый рѣшительный ударъ артиллеріи.

Это двойное соединеніе:

1) Трехъ родовъ оружія: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи въ дивизіи, и

2) Трехъ родовъ строя: линіи, колонны и разсыпныхъ стрѣлковъ, есть основаніе наполеоновской, или новѣйшей тактики, и, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи нашего, мы уже будемъ смѣтрѣть съ этой точки зрѣнія.

Интересно бросить здѣсь еще взглядъ на столкновеніе старыхъ и новыхъ боевыхъ формъ, въ которомъ первыя навсегда исчезаютъ.

Мы сказали раньше, что новое всегда развивается изъ стараго, потомъ вступаетъ съ нимъ въ борьбу и наконецъ медленно или быстро его побѣждаетъ. Въ исторіи военнаго искусства нигдѣ не встрѣчается такого рѣзкаго примѣра, какъ въ этомъ періодѣ.

Въ то самое время, когда, во французской арміи, образовалась новая тактика и на своихъ новыхъ началахъ достигла высшаго развитія, прусская армія, какъ представительница линейной тактики, со своими односторонними слабыми боевыми формами, оставалась совершенно равнодушною ко всему новому. Правда, въ 1788 г., были введены стрѣлки (*), въ линейныхъ полкахъ стали рассыпать третью шеренгу, а отъ 1787 до 1802 года

(*) Въ пѣхотѣ по 10 человекъ въ роту и въ фузilierныхъ баталіонахъ по 20 человекъ въ роту.

24 фузилерных баталіона были сформированы въ 8 бригады; но все это собственно въ линейной тактикѣ не произвело никакихъ существенныхъ измѣненій. Примѣненіе стрѣлковъ къ мѣстности, ихъ послѣдовательное употребленіе, дѣйствіе колоннами, — все это было для нея вовсе незнакомо. При Заальфельдѣ невозможно было разсыпать взвода выдвинутого передъ фронтъ баталіона, а при Іенѣ стрѣляли повзводно залпами въ неприятельскихъ застрѣльщиковахъ и никакъ не могли отъ нихъ защититься.

Въ этомъ столкновении старыхъ и новыхъ формъ тактики (кампанія 1806 года), каждый безпристрастный человекъ могъ замѣтить неизбежное разрушеніе первыхъ. Ужасныя, почти безпримѣрныя пораженія, испытанныя прусскою арміею въ сраженіяхъ Ауерштедтскомъ и Іенскомъ, надо преимущественно приписать тому, что одностороннія, устарѣлыя формы хотѣли противодѣйствовать новымъ, уже неоднократно показавшимъ свое превосходство и достигшимъ высокой степени развитія. Мы говоримъ здѣсь преимущественно о тактическихъ случаяхъ боя и его тактическихъ результатахъ, не касаясь недостатка въ способныхъ генералахъ и офицерахъ генеральнаго штаба, а равно и численной слабости арміи и стратегическихъ ея ошибокъ. Войска почти вездѣ сражались съ самоотверженіемъ и примѣрною храбростію, достойною лучшихъ послѣдствій. Это доказывается огромными потерями прусской арміи. Положимъ, при Іенѣ Пруссакъ потеряли болѣе отъ превосходства силъ противника, но при Ауерштедтѣ рѣшительно были поражены превосходствомъ новой французской тактики, и все-таки не могли разстаться съ своею линейною тактикою, которая, въ самомъ началѣ боя подвергала одновременно почти всѣ силы нападенію неприятеля и дѣлая невозможнымъ отступленіе изъ боя, въ случаѣ неудачи, вела неизбежно къ совершенному пораженію. Правильное отступленіе изъ боя, а равно и преслѣдованіе были недостижимы при линейной тактикѣ. Это, какъ нельзя лучше, видно изъ отчаянныхъ сраженій Семилѣтней войны (Коллинъ, Гохкирхъ, Кунерсдорфъ, Россбахъ, Леутенъ), гдѣ надежнѣйшія войска короля или отступали въ безпорядкѣ, или, побѣдивши, не предпринимали преслѣдованія. Совершенно другое представляетъ намъ новая тактика: въ ней мы не видимъ болѣе движеній развернутыми линиями; войска, при преслѣдованіи, сдвигаются въ густыя колонны. Итакъ, линейная тактика погибла безвозвратно на поляхъ ауерштедтскихъ и іенскихъ. Пораженіе прусскаго оружія

было, дѣйствительно, позорно; но за то, къ чести Пруссаква, надо сказать, что съ этого самаго момента всѣ силы государства были устремлены къ уничтоженію тѣхъ недостатковъ, за которые такъ дорого было заплачено. Новая тактика была принята и совершенно усвоена. Прусская армія была готова противодѣйствовать побѣдителю. Все это было достигнуто въ совершенствѣ въ чрезвычайно короткое время, какъ на теоріи, такъ и на практикѣ и при самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. На практикѣ было показано Французамъ, нѣсколько лѣтъ спустя, многочисленными, только что устроенными баталіонами и эскадронами, а теоретически можно видѣть и теперь еще изъ прусскаго эскерциръ-регламента 1812 года, который до сихъ поръ, въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, не имѣлъ себѣ подобнаго по своей ясности, простотѣ и отчетливости.

Тѣсная связь рассыпнаго боя съ боемъ колоннъ и линій, давая, съ одной стороны, возможность дѣйствовать на всякой мѣстности, съ другой—допуская соединеніе различныхъ оружій въ части болѣе или менѣе самостоятельныя, придавала новѣйшей тактикѣ совершенно особую физиономію.

Въ бою, линейною тактикою обстоятельно опредѣлялись впередъ: родъ движенія, порядокъ, общее направленіе и даже направленіе самой атаки. Все боевое расположеніе, такъ сказать, вычислялось. Послѣ всѣхъ этихъ премудростей, самый бой получалъ болѣе характеръ удара или отраженія послѣдняго. Результатъ выходилъ всегда самъ собой непосредственно изъ боя и почти всегда былъ либо рѣшительной побѣдой, либо рѣшительнымъ пораженіемъ. Совершенно другое видно въ бою новой тактики, и ничего лучшаго нельзя представить для краткой *характеристики боя нашего времени*, которая выражала бы всю его сущность, какъ описаніе Карла фонъ-Клаузевица. Онъ говоритъ:

«Что обыкновенно дѣлаютъ, въ настоящее время, въ сраженіи? Спокойно располагаютъ колонны однѣ подлѣ и позади другой, рассыпаютъ сравнительно лишь незначительную часть отъ цѣлаго, предоставляя ей, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, производить перестрѣлку, прерывая ее кой-гдѣ отдѣльными ударами въ штыки и атаками кавалеріи и варьируя, такимъ образомъ, планомъ сраженія. Если цѣль уже достаточно пострѣляла, то ее отзываютъ и замѣняютъ новою. Такъ, мало по малу, разгорается сраженіе, медленно, отрывочно, подобно горѣвію сыраго пороха, и продолжаясь до наступленія ночи. Тогда, не желая

подвергаться слѣпому случаю, бой прекращается и съ обѣихъ сторонъ начинается повѣрка всего, что потеряно и что уцѣлѣло и можетъ быть годно къ употребленію, то есть не истощилось совершенно, подобно погасшему вулкану; повѣряютъ, что было выиграно и потеряно на полѣ битвы, обращая вниманіе на безопасность тыла; сообразивъ всѣ эти обстоятельства и прибавивъ къ нимъ отдѣльные примѣры храбрости и трусости, ума и глупости, замѣченные у себя и у своихъ противниковъ, составляютъ общее заключеніе, оставить ли поле сраженія, или возобновить бой на разсвѣтѣ.

«Этотъ колоритъ можно принять за образецъ сраженій нашего времени, одинаково какъ для наступающаго, такъ и для обороняющагося. Въ главныхъ чертахъ, онъ остается неизмѣннымъ, несмотря на различіе мѣстности и цѣлей.

«Общій характеръ сраженій нынѣшнихъ временъ не есть случайный: онъ происходитъ оттого, что всѣ государства дѣйствуютъ по одной и той же системѣ, находясь почти на одной степени развитія военнаго устройства и искусства. При такихъ условіяхъ, сраженія всегда будутъ удерживать этотъ характеръ.»

Эти общія понятія о боѣ новой тактики мы удержимъ при дальнѣйшемъ разсматриваніи нашего предмета, чтобы видѣть, какъ, сообразно этому бою, войско должно быть наилучше снаряжено, организовано и тактически обучено.
